

Проиграть суккуба

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Саша Бездушная

18+

Саша Бездушная
Проиграть суккуба

«Автор»

2026

Бездушная С.

Проиграть суккуба / С. Бездушная — «Автор», 2026

Привет. Меня зовут Валака. Я суккуб. Высшая категория, Древняя Доктрина, бюст сертифицирован как оружие массового искушения. И да, мой муж проиграл меня в карты. В «Кровавые Косточки». Как мешок с репой. Знаете, что самое обидное? Он даже не расстроился. Сказал: «Солнышко, это ради великого будущего!» — и тут же лишился глаз, имени и меня. Справедливость существует. Мой новый... хозяин? Владелец? (он морщится, когда я так говорю) — Владыка Марбас. Холодный, как задница ледяного демона. Красивый, как грех, который тебе очень хочется совершить. И абсолютно невыносимый. Вместо гарема и оргий он заставил меня тренироваться. Вместо шёлковых простыней — допросы и места преступлений. Это история о том, как я перестала быть чьей-то вещью и вспомнила, что я — демоница с золотыми крыльями и Доктриной, способной уложить легион.

© Бездушная С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. В которой моя грудь становится лотом на аукционе, а я об этом даже не догадывалась	5
Глава 2. В которой я осознаю масштаб катастрофы	11
Глава 3. Тренировка с последствиями	17
Глава 4. В которой я узнаю, что Владыки тоже умирают	22
Глава 5. В которой меня тащат на место преступления вместо свидания	32
Глава 6. Подавленное желание	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Саша Бездушная

Проиграть суккуба

Глава 1. В которой моя грудь становится лотом на аукционе, а я об этом даже не догадывалась

Утро в нашем семейном гнёздышке начиналось стандартно: с воя, грохота и запаха палёной кожи.

— ВАЛАКА! СОЛНЫШКО! ГДЕ МОЙ ЛЕВЫЙ НАКОЛЕННИК ИЗ ШКУРЫ ВАСИЛИСКА?!

Я как раз пыталась выковырять из кастрюли окаменевшие остатки вчерашнего ужина — Барбатос в очередной раз пытался приготовить «фирменное жаркое» и превратил мясо в кусок антрацита. Кастрюлю теперь можно использовать как метательный снаряд. Что я, собственно, и собиралась сделать.

— В мусорной яме, где и всё твоё снаряжение! — рявкнула я, не оборачиваясь. — Ты его проиграл позавчера какому-то импу в кости!

Из спальни высунулась голова моего благоверного. Всклокоченные тёмные волосы торчат во все стороны, на щеке — царапина от моей же пилки для ногтей (он пытался ею открыть бутылку), левый глаз заплыл фиолетовым. Одет в драный халат, из-под которого виднеется волосатая грудь. И при этом — улыбка младенца, только что испортившего воздух и гордящегося этим.

— Ничего страшного! Я придумал гениальный план, как всё вернуть! Мне просто нужно немного твоей удачи!

— Моей удачи? — я всё-таки обернулась. Медленно, как змея перед броском. — Барбатос, милый, у меня нет удачи. У меня есть Доктрина Искажения Желания, которой я могу заставить любого врага захотеть поцеловать свой собственный зад. И я начинаю подумывать применить её на тебе.

— О, детка, твои грязные фантазии меня возбуждают, — он подмигнул мне здоровым глазом. — Но сейчас не время! Вечером идём в «Хрустальную Утробу». Там будет один очень важный демон, и мне нужно выглядеть... ну, респектабельно. А ты у меня — главное украшение!

Я швырнула в него кастрюлю. Он увернулся с грацией пьяного таракана.

— Я никуда не пойду! В прошлый раз, когда я была твоим «украшением», меня пытались обменять на бочку адского рома!

— И я не согласился! — возмутился он. — Ты стоишь минимум три бочки!

Кастрюля всё-таки нашла свою цель.

В «Хрустальную Утробу» я всё-таки пошла. Не потому, что он меня уговорил. А потому что знала: если не пойду — он проиграет что-нибудь действительно важное. Например, наш дом. Или собственную душу. Или меня.

Хотя последнее казалось невозможным даже для такого идиота, как Барбатос.

Правда?

Кабак «Хрустальная Утроба» был вырезан внутри окаменевшего гигантского червя. Стены пульсировали мерзким розоватым светом, пол был липким от пролитого за тысячелетия пойла. Здесь пахло потом, серой и отчаянием. Обычный вторник. Посетители выглядели как люди — по большей части. Но от некоторых так фонило силой, что воздух вокруг них едва заметно дрожал. Это вам не скрыть никакой человеческой личиной.

Я уселась в углу, заказала себе выпить и приготовилась наблюдать очередное фиаско мужа. Барбатос уже что-то втирал компании щуплых типов в грязных плащах, размахивая руками и явно преувеличивая свои подвиги.

— ...и тогда я в одиночку завалил целый легион! Они бежали, визжа, как девственницы перед первой брачной ночью!

Типы слушали с открытыми ртами. Я закатила глаза. Три легиона, конечно. Скорее, тридохлых крысы и одна нервная белка.

А потом я почувствовала это.

Давление. Тяжесть. Как будто само пространство вдруг стало плотнее, а воздух — гуще. Разговоры в кабаке начали затихать. Даже самые пьяные Бестии опустили кружки.

В дверях стоял демон. В человеческой форме, разумеется. Но у меня внутри всё взвыло сиреной.

Высокий, широкоплечий мужчина в строгом чёрном одеянии — кожаный доспех, сшитый из шкуры какого-то древнего зверя. Чёрные волосы собраны в низкий хвост. Лицо — резкое, будто высеченное из обсидиана, без единой мягкой черты. Губы плотно сжаты. Глаза — два тлеющих угля, которые, казалось, просвечивают тебя насквозь, считывая каждую мысль. И ни одной улыбки. Вообще. Двигался он сквозь толпу, и демоны расступались перед ним инстинктивно, как мелкие рыбёшки перед акулой, хотя внешне он выглядел не крупнее многих.

Он шёл прямо к стойке, и каждый его шаг отдавался в моей груди глухим ударом.

А потом он остановился. Прямо напротив столика, где Барбатос, ничего не замечая, продолжал травить байки.

— О! — мой муж, наконец, заметил его. И вместо того чтобы замереть в ужасе, он... расцвёл. — А вот и ты! Ребята, это тот самый мрачный тип, о котором я говорил! Мы с ним вчера немножечко... поспорили!

Владыка (а это мог быть только Владыка) посмотрел на Барбатоса. Только взгляд. Никакой магии. Но собутыльники моего мужа синхронно сползли под лавку.

— Ты задерживаешь оплату, — произнёс он. Голос — низкий, спокойный, но с такими обертонами, от которых у нормального демона начинает чесаться в районе пятой точки. — Долг просрочен на двенадцать часов.

— Долг? Какой долг? — засуетился Барбатос, похлопывая себя по карманам своего нелепого плаща. — Ах, ЭТОТ долг! Понимаешь, тут такое дело... небольшие временные трудности...

— У тебя нет денег, — констатировал Владыка.

— Денег нет, — согласился Барбатос, и тут его лицо озарила та самая улыбка, после которой у меня всегда начиналась мигрень. — Но у меня есть нечто гораздо более ценное!

Он развернулся и драматично указал на меня.

— Моя жена!

Повисла тишина. Даже червь, в котором мы сидели, кажется, перестал пульсировать от неловкости.

Я замерла с кружкой в руке. На мне было старенькое тёмно-красное платье, которое я натянула второпях, и волосы, кое-как собранные в узел. Я выглядела не как суккуб высшей категории, а как уставшая женщина после трёхсот лет брака с идиотом. Потому что именно ею я и была.

— Что? — произнесла я. Очень тихо. Очень спокойно. Владыка перевёл взгляд на меня. Я почувствовала, как его сила касается меня — не грубо, а словно пробуя на вкус. Моя собственная Доктрина внутри вздрогнула, как разбуженная кошка.

— Видишь? — затараторил Барбатос, подбегая ко мне и хватая за плечи. — Посмотри на неё! Суккуб высшей категории! Бюст — занесён в реестр «Оружие массового искушения»! Доктрина Искажения Желания — сертифицирована Архивариусом Лимба! Одно её движение бёдрами может вызвать переворот в небольшом государстве! Просто сейчас она немножко не в форме, но под слоем усталости, поверь мне, скрывается бомба!

Я всё ещё не могла издать ни звука. Он что... он правда это делает?

— Барбатос, — процедила я сквозь зубы, сжимая кружку так, что по ней пошли трещины. — Если ты сейчас же не заткнёшься...

— Она скромница! — перебил он, отмахиваясь. — На самом деле, она мечтает служить такому могущественному Владыке! Правда, солнышко? Короче! Я ставлю свою жену против моего долга! Партия в «Кровавые Косточки»! Прямо здесь и сейчас!

Владыка молчал. Он смотрел на меня всё это время, игнорируя Барбатоса. И в его взгляде просачивалось любопытство. Как у охотника, который вышел за кроликом, а наткнулся на след дракона.

— Твоя жена, — произнёс он наконец, и это было обращено не к Барбатосу, а ко мне, — не товар.

О, хоть кто-то это понимает!

— Она не может быть предметом ставки без её согласия, — продолжил он, и в его голосе прорезалось что-то похожее на... безразличие? — Таковы Правила Рангов.

— Согласие? — переспросил Барбатос. — Валака, солнышко, ты согласна, чтобы я чуть-чуть рискнул нашей семьёй ради великого будущего?

— НЕТ! — заорала я.

— Она говорит «да»! — радостно перевёл Барбатос. — У нас в семье такой диалект! Когда она орёт «нет, я тебя убью, ты ничтожество», это значит «да, мой господин, я полностью тебе доверяю»!

Владыка медленно моргнул. Его левый глаз едва заметно дёрнулся. Я могла поклясться, что впервые за тысячелетия этот демон столкнулся с существом настолько абсурдным, что его Доктрина дала краткий сбой.

— Интересно, — произнёс он, и в этом слове было больше угрозы, чем в любом боевом кличе. — Тогда давай сыграем.

Он сел за стол напротив Барбатоса. Достал из воздуха игральные кости — они светились алым, и я поняла, что это не просто кости. Это фрагменты чьей-то судьбы, закованные в материальную форму.

— Но перед началом, — Владыка поднял палец, — я хочу уточнить. Ты ставишь жену. А что именно ты ставишь?

— Я же сказал — мою жену!

— Я спросил, что ставишь ТЫ. Моя ставка — прощение твоего долга. Твоя — твоя жена. Где равноценность? — Голос Владыки был обманчиво мягок, но я увидела, как вокруг его пальцев начал сгущаться мрак. — Добавь в ставку свою память о собственном имени, или... — он сделал паузу, — свои глаза. Если проиграешь — ты станешь не просто должником, ты станешь Никем. Безымянным импом без прошлого и без взгляда.

Толпа ахнула. Барбатос побледнел.

Но потом я увидела, как он смотрит на меня. Не с виной. Не со страхом. С расчётом. Он правда верил, что выиграет. Или ему было плевать на риск. Или и то и другое.

— Согласен, — выпалил он, хватая кости. — Кидаем!

И я замерла. Не потому что меня парализовало магией, а от шока.

Кости упали.

У Барбатоса — три шестёрки. Невероятная удача. Толпа ахнула. Мой муж издал победный вопль.

Владыка даже не посмотрел на кости. Он просто бросил свои.

И они упали.

И у них было... четыре грани? Пять? Я не могла сосчитать. Они всё время меняли форму, искривляли пространство вокруг себя, пока наконец не замерли, показывая значения, которых в принципе не существует в этой игре.

— Грань Пустоты, — прокомментировал Владыка. — У тебя неплохая удача, но моя Доктрина Голода только что ассимилировала саму концепцию твоего выигрыша. Ты проиграл.

Барбатос застыл. Его лицо медленно меняло цвет с бледно-зелёного на пепельно-серый.

— А теперь самое интересное, — Владыка поднялся, и в его руке материализовался какой-то предмет. Я узнала его сразу. Отпечаток Сути. Наш брачный амулет. Он каким-то образом извлёк его прямо из моего мужа.

— Согласно ставке, ты теряешь память о своём имени, а также глаза. И твоя жена... — он повернулся ко мне, и я вдруг осознала, что амулет плывёт ко мне, встраиваясь в мою грудь, но его символ меняется. Вместо знака Барбатоса там теперь сияла эмблема Владыки. — ...твоя жена теперь моя. Но не как трофей. Твой брачный контракт аннулирован. С этой минуты она — свободная Бестия.

Он шагнул ко мне, и я инстинктивно вжалась в стену. Моя Доктрина внутри меня орала: «Бей! Беги! Заставь его захотеть подавиться собственным языком!» Но я ничего не делала. Потому что, помимо всего прочего, я чувствовала кое-что ещё.

Облегчение.

Свобода.

И... любопытство. Проклятое, идиотское, совершенно не свойственное мне любопытство.

Владыка протянул мне руку. Ладонь была открыта. Человеческая, широкая, с длинными пальцами — но я чувствовала силу, дремлющую под кожей. Не угроза — приглашение.

— Меня зовут Марбас, — представился он. — Идём со мной. Твоему бывшему мужу сейчас будут вырывать глаза. Тебе точно не стоит на это смотреть.

Я посмотрела на Барбатоса. Он уже открывал рот, чтобы закричать «Это всё недоразумение!», но его уже скручивали приставы Владыки — двое молчаливых громил в сером.

Потом снова посмотрела на Марбаса.

— Идти с тобой? — переспросила я, и мой голос был хриплым от едва сдерживаемой ярости. — Ты только что... Ты купил меня! Как вещь! На аукционе, устроенном моим мужем-идиотом! И ты думаешь, я просто возьму тебя за руку...

Он спокойно перебил.

— Я аннулировал твой контракт. Ты можешь уйти прямо сейчас.

— Что?

— Можешь. Уйти. Прямо. Сейчас. — Он повторил это так чётко, будто разговаривал с ребёнком. — Выход там. Но если ты останешься... — его губы дрогнули. Не улыбка. Скорее тень того, что могло бы стать улыбкой через тысячу лет практики. — ...я покажу тебе, как выглядит жизнь, где твоя сила не тратится на вытаскивание мужа из игорных ям.

Я стояла, разрываясь между желанием врезать ему по его идеальному обсидиановому лицу и желанием... поверить.

— И что взамен? — спросила я. — Ты хочешь, чтобы я...? — я сделала неопределённый жест рукой, подразумевающий всё то, что обычно хотят от суккубов.

— Ничего

Он развернулся и пошёл к выходу. Не оглядываясь. Оставляя меня позади. Давая мне тот самый выбор.

И я...

Я пошла за ним.

И если он соврал — я заставлю его захотеть съесть свои собственные слова.

В прямом смысле.

Глава 2. В которой я осознаю масштаб катастрофы

Дорога до Цитадели Марбаса заняла три часа.

Три часа я сидела в закрытой повозке, запряжённой чешуйчатыми местными тварями, которые передвигались не то бегом, не то телепортацией — пространство за окном смазывалось в серую кашу. Напротив меня сидел сам Владыка. Молча. Всю дорогу. Просто смотрел в одну точку, сложив руки на груди, и даже не моргал. Я тоже молчала — из принципа. Если он думает, что я начну первой набиваться в собеседники, он глубоко ошибается.

Но мысленно я, конечно, уже прокручивала все возможные сценарии.

Так, Валака, спокойно. Что мы знаем о Владыках? Они богаты, могучи и имеют специфические вкусы. У него наверняка есть гарем. Большой, шумный, полный полуголых суккубов и инкубов, которые томно стонут и трутся друг о друга. Меня сейчас привезут, выдадут шёлковый пеньюар размера «меньше, чем надо», и заставят участвовать в оргии. Или того хуже — сделают прислугой для гарема. Буду подавать им масло для тел и делать вид, что меня это не унижает.

Ладно, соберись. Ты суккуб высшей категории. Ты можешь заставить любого демона захотеть поцеловать собственный локоть. Ты справишься с каким-то Владыкой.

Я покосилась на Марбаса. Он сидел неподвижно, как статуя. В человеческой форме он выглядел... ну, я уже говорила. Резкие черты лица, широкие плечи, длинные пальцы. Одет в этот свой чёрный костюм-доспех, который обтягивает его так, что я могла пересчитать мышцы на предплечьях. На левой скуле — тонкий белый шрам, почти незаметный.

Интересно, откуда у него шрам? Он же Владыка, его ранить может только другой Владыка. Или он специально оставил его как напоминание? Или это часть какого-то мрачного ритуала? Или он просто слишком крут, чтобы его убирать?

Так, Валака, прекрати. Ты его ненавидишь. Он тебя купил. За карточный долг твоего мужа. То, что у него красивые руки, не меняет того факта, что он — высокомерный ублюдок, который даже не смотрит на тебя.

В этот момент Марбас повернул голову и посмотрел прямо на меня.

— У тебя громкие мысли, — сказал он.

— Что?

— Твоя Доктрина резонирует. Когда ты злишься, воздух вокруг тебя вибрирует. Трудно не заметить.

Я открыла рот, чтобы возразить, но тут повозка остановилась.

— Приехали, — объявил он и вышел первым.

Я вылезла следом — и замерла.

Цитадель Марбаса была не просто крепостью. Это был чёрный клык, вонзённый в небо. Огромная башня из обсидиана и застывшей магмы, уходящая вверх настолько, что её вершина терялась в серых тучах. Вокруг башни — кольцо стен, усеянных шипами, которые слабо светились алым. На стенах — стража. Демоны в человеческой форме, но даже так я чувствовала их ауры. Не меньше Бестий.

— Добро пожаловать в Клык, — сказал Марбас. — Твой новый дом.

— Клык? — переспросила я. — Ты назвал свою крепость «Клык»?

— Нет. Её так называли те, кто пытался её взять. Потому что она их пережёвывает.

Он развернулся и пошёл к воротам. Я поспешила за ним, стараясь не споткнуться о собственные ноги.

Внутри Цитадель оказалась... пугающе пустой.

Никаких полуголых суккубов, развалившихся на подушках. Никаких фонтанов с вином. Никаких оргий в коридорах. Только чёрный камень, строгие линии, редкие факелы и тишина. Шаги Марбаса отдавались эхом от стен. Мои — тоже, но как-то жалко.

— А где... — начала я.

— Что?

— Ну... все?

— Кто «все»?

— Твой гарем? Наложницы? Рабы удовольствий?

Марбас остановился. Повернулся. На его лице промелькнуло выражение, которое я не смогла сразу расшифровать. Потом до меня дошло: это была смесь недоумения и лёгкого отвращения.

— У меня нет гарема, — сказал он.

— Как нет?

— Вот так.

— Но ты Владыка!

— И что?

— У всех Владык есть гаремы! Это... статусный символ! Или просто способ скоротать вечность!

— Мне не нужно скоротать вечность. У меня есть работа.

Я уставилась на него. Он говорил абсолютно серьёзно. Ни тени иронии, ни намёка на шутку. Этот демон — один из сильнейших в Геенне, обладатель уникальной Доктрины, повелитель целого региона — и у него нет гарема, потому что «есть работа»?

— Ты... ты вообще демон? — вырвалось у меня.

— Да. Просто у меня другие приоритеты.

Он снова развернулся и пошёл. Я осталась стоять, переваривая услышанное. Другие приоритеты? У Владыки? Что, налоговые декларации?

— Кстати, — бросил он через плечо. — Твои покои на четвёртом уровне. Прислуга покажет. Утром жду тебя на тренировочной площадке. Не опаздывай.

И ушёл. Просто ушёл. Оставил меня в пустом коридоре, даже не обернувшись.

Ладно. Это... неожиданно. Но, может, он просто хочет усыпить мою бдительность? Втирается в доверие? Или он из тех, кому нравится охота, а не добыча?

— Госпожа Валака?

Я чуть не подпрыгнула. Из тени выступила фигура — низенькая, сгорбленная старуха в тёмно-сером балахоне. Лицо — сплошные морщины, седые волосы собраны в пучок, глаза — выцветшие, почти белые. Но спина прямая, а движения — плавные и точные.

— Меня зовут Горгона, — представилась она. — Я назначена вашей служанкой. Прошу следовать за мной.

— Горгона? Серьёзно?

— Мои родители обладали чувством юмора, — сухо ответила она. — Пожалуйста, за мной.

Она заковыляла по коридору, и я пошла за ней, лихорадочно пытаюсь перестроить картину мира. Значит, вместо гарема — старуха-служанка. Вместо оргий — отдельные покои. Вместо «раздевайся и в постель» — «утром жду на тренировке». Либо Марбас действительно какой-то неправильный Владыка, либо я чего-то не понимаю.

Покои оказались... большими. Очень большими. Спальня с огромной кроватью (на такой можно вчетвером спать и не касаться друг друга), гостиная с камином, отдельная ванная комната с бассейном. Бассейном! Внутри здания! Я заглянула туда и увидела, что вода светится мягким светом.

— Источник с минеральной водой, — пояснила Горгона, заметив мой взгляд. — Господин Марбас лично захватил его у Владыки Зависти двести лет назад. Вода восстанавливает силы и омолаживает кожу.

— Лично захватил?

— Да. Владыка Левиафан был... недоволен. Но господин Марбас убедил его, что источник лучше переместить.

— Убедил?

— Сломал ему оба рога и ассимилировал половину его армии. После этого Левиафан согласился на переговоры.

Я слотнула. Значит, за моей ванной стоит военная кампания. Очаровательно.

— Госпожа желает перекусить? — спросила Горгона. — Или предпочитаете сразу отдохнуть?

— Я... перекусить, наверное.

— Хорошо. Я принесу ужин через полчаса.

Она поклонилась и вышла. Поклонилась! Мне! Как будто я действительно госпожа, а не...

Я села на край кровати и уткнулась в стену. Что происходит? Меня только что выиграли в карты. Мой муж проиграл меня, как проигрывают мешок с костями или старый плащ. Я должна сейчас рыдать, или бежать, или пытаться убить Марбаса во сне. А вместо этого я сижу в роскошных покоях, со мной обращаются как с почётной гостьей, а завтра меня ждут на «тренировке».

Может, это какой-то изощрённый фетиш? Может, он любит, когда жертва сначала ослабляется, а потом — хлоп! — и цепи, и крики, и «ты никогда не покинешь эту комнату»?

Но почему тогда он отпустил меня? Там, в кабаке? Он сказал: «Ты можешь уйти прямо сейчас». Я могла уйти. Могла просто развернуться и исчезнуть. Но я пошла за ним.

Почему?

Сильный владеет слабым — так было всегда, и так будет всегда...

— Ужин, госпожа.

Горгона вернулась с подносом. Поставила его на стол и начала расставлять блюда. Жареное мясо какого-то незнакомого зверя, свежий хлеб, тушёные овощи, кувшин с тёмным вином. Всё это выглядело и пахло так, будто меня ждали в лучшем ресторане Геенны.

— Горгона, — сказала я, — можно вопрос?

— Разумеется.

— Почему господин Марбас... обращается со мной так?

— Как «так»?

— Как с гостьей. С почётом. Я думала, я буду пленницей. Или рабыней. Или...

Старуха посмотрела на меня долгим взглядом. Её выцветшие глаза на мгновение блеснули — не слабостью, а умом.

— Господин Марбас не держит рабов, — сказала она. — Он считает, что сила, добытая через унижение других, — это слабость. Он не покупает преданность. Он её заслуживает.

— Но он же купил меня!

— Он аннулировал ваш контракт, госпожа. Вы свободны. То, что вы здесь, — ваш выбор.

Я замолчала. Кусок мяса, который я держала в руке, вдруг показался мне очень интересным для изучения.

— И давно вы у него служите? — спросила я, чтобы сменить тему.

— Тысячу двести лет.

— Ого.

— Я была Бестией, как и вы. Мой Владыка погиб, а господин Марбас предложил мне службу. Я согласилась. С тех пор я здесь.

Тысячу двести лет. Эта старуха служит Марбасу дольше, чем я живу. И она говорит о нём... с теплотой? С уважением?

— А что вы знаете о его прошлом? — осторожно спросила я.

— Это не моя история, чтобы её рассказывать, — отрезала Горгона. — Если господин Марбас захочет, он расскажет сам. Приятного аппетита.

И вышла.

Я осталась одна. Поела (мясо оказалось божественным), выпила вина (тоже божественное), приняла ванну (вода действительно светила, и кожа после неё стала как у младенца). Потом забралась в кровать.

Кровать была мягкой. Невероятно мягкой. После трёхсот лет сна на жёстком топчане Барбатоса это ощущалось как... как что-то запретное. Как будто я обманываю систему.

Я лежала в темноте, глядя в потолок, и пыталась понять, что я чувствую. Облегчение? Да. Я избавилась от Барбатоса — это лучшая новость за триста лет. Но вместе с облегчением

пришло что-то ещё. Страх? Нет, не страх. Скорее... неуверенность. Я привыкла быть чьей-то. Сначала — собственностью рода. Потом — собственностью первого владельца. Потом — собственностью Барбатоса. Я не знала, что значит быть свободной. Я не знала, что с этой свободой делать.

И ещё — любопытство. Проклятое, жгучее любопытство. Что за демон этот Марбас? Почему он живёт не так, как все Владыки? И почему, демоны меня раздери, он такой...

Ну, вы понимаете.

Эти плечи. Эта челюсть. Этот шрам на скуле, который так и просит, чтобы кто-то провёл по нему пальцем. И его голос — низкий, спокойный, с этими вибрациями, от которых у меня внутри что-то поджимается.

Так, Валака. Прекрати. Ты его ненавидишь. Ты его боишься. Ты ему не доверяешь. То, что твоё тело реагирует на него определённым образом, ничего не значит. Это просто инстинкты. Ты суккуб. Ты запрограммирована реагировать на сильных самцов. Это биология. Это не имеет никакого отношения к...

Я перевернулась на живот и зарылась лицом в подушку. Чёртова Доктрина. Чёртова биология. Чёртов Марбас с его чёртовым шрамом и чёртовым голосом.

Завтра тренировка. Он сказал — вернуть истинную форму. Посмотрим, что он имеет в виду. И посмотрим, смогу ли я хотя бы раз его ударить.

С этой мыслью я уснула.

Утром меня разбудила Горгона. Бесшумно вошла, раздвинула шторы (за окном всё то же серое небо Геенны — здесь не бывает солнца, только вечные сумерки), поставила на стол завтрак.

— Господин Марбас ждёт вас через час, — сообщила она. — На тренировочной площадке. Это на минус третьем уровне. Я провожу.

— Минус третий? Под землёй?

— Да. Чтобы не повредить башню, если тренировка выйдет из-под контроля.

— А такое часто бывает?

— Когда господин Марбас тренируется лично — всегда.

Я слотнула. Час на сборы. Я быстро позавтракала, натянула одежду, которую мне оставили (облегающий тёмно-синий костюм, похожий на форму Бестий, но более элегантный), и последовала за Горгоной.

Глава 3. Тренировка с последствиями

Тренировочная площадка оказалась огромным подземным залом. Высокий потолок, уходящий в темноту, чёрные стены, покрытые какими-то светящимися рунами, ровный пол из матового камня. В центре зала стоял Марбас. Он был одет иначе — свободные тёмные штаны, простая рубашка с закатанными рукавами, обнажавшими предплечья. Никакого доспеха. Никакого оружия.

И босиком.

Почему-то именно босые ноги выбили меня из колеи. Я видела Владык только в парадных доспехах или официальных одеяниях. А тут — демон в простой одежде, стоящий на холодном камне. Это было... интимно.

— Ты пришла, — сказал он. — Хорошо.

— Ты думал, я сбегу?

— Нет. Ты не похожа на ту, кто бежит. Ты похожа на ту, кто дерётся.

Я фыркнула.

— Ты меня совсем не знаешь.

— Узнаю. Для этого мы здесь. — Он сделал шаг назад и развёл руки. — Правила простые. Ты атакуешь меня любым способом. Магия, физическая сила, твоя Доктрина — всё разрешено. Твоя цель — коснуться меня. Хотя бы пальцем.

— Коснуться? — переспросила я. — И всё?

— Для начала — да.

Я усмехнулась. Коснуться Владыки? Я — суккуб, моё тело — оружие. Прикосновение — это моя специализация.

— Что, думаешь, это будет легко? — спросил он, будто прочитав мои мысли.

— Думаю, ты переоцениваешь свою неуязвимость.

— Проверим.

Я активировала Доктрину. По телу пробежала тёплая волна — знакомая, родная, как объятие старого друга. Я направила её на Марбаса. Исказить его желание. Заставить его захотеть приблизиться ко мне. Заставить его захотеть, чтобы я его коснулась. Это базовый трюк, я проделывала его сотни раз. Враг, который хочет твоего прикосновения, — мёртвый враг.

Марбас не двинулся с места.

— Интересно, — произнёс он. — Ты пытаешься заставить меня хотеть подойти к тебе. Но я этого не хочу.

— Это невозможно, — выдохнула я. — Моя Доктрина работает на всех.

— На всех, кто слабее тебя. Я не слабее.

Я усилила напор. Воздух вокруг меня нагрелся, по телу побежали искры, волосы начали светиться изнутри. Я вложила в атаку всё, что у меня было — всю свою силу, всю свою Доктрину, все эти года подавленной ярости.

Марбас стоял неподвижно.

— Ты всё ещё пытаешься заставить меня хотеть, — сказал он. — Это ошибка. Ты не можешь заставить того, кто сильнее. Но ты можешь обмануть.

— Что?

— Не заставляй меня хотеть. Заставь меня думать, что я хочу чего-то другого. Отвлеки. Обмани. Искажи моё восприятие, а не моё желание.

Я замерла. Это... это имело смысл. Я никогда не думала о своей Доктрине в таком ключе. Я всегда использовала её в лоб — заставить врага хотеть того, что выгодно мне. Но если враг сильнее...

— Давай ещё раз, — сказал Марбас. — И на этот раз не атакуй меня. Атакуй воздух вокруг меня.

Я закрыла глаза. Сосредоточилась. Воздух — это не живое существо, у него нет желаний. Но у пространства есть... свойства. Оно хочет быть цельным. Непрерывным. Я могу исказить это желание. Заставить пространство захотеть сжаться, искривиться, изменить форму.

Я открыла глаза — и толкнула.

Воздух вокруг Марбаса дрогнул. На мгновение его силуэт исказился, как отражение в кривом зеркале. Он сделал шаг в сторону — но недостаточно быстро. Край моего воздействия задел его плечо.

— Хорошо, — сказал он. В его голосе прозвучало что-то новое. Удовлетворение? — Очень хорошо. Ты обучаемая.

— Я коснулась тебя! — выдохнула я, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

— Да. Но не пальцем. Воздействие было опосредованным. Ты всё ещё не дотронулась до меня.

— Так давай! — я бросилась вперёд.

Это было глупо. Я знала, что это глупо. Я — суккуб, моё тело сильнее человеческого, но по сравнению с Владыкой я — тростинка. Но что-то во мне щёлкнуло. Азарт. Тот самый азарт, о котором я забыла триста лет назад. Желание победить. Доказать. Достать.

Я бежала на него, выставив руку вперёд — просто коснуться, дотронуться до его груди, до плеча, до чего угодно.

Марбас исчез.

Только что он стоял передо мной — и вот его уже нет. Я споткнулась об пустоту, потеряла равновесие и полетела лицом в пол. В последний момент чья-то рука перехватила меня за талию и рывком поставила на ноги.

— Ты предсказуема, — раздался его голос прямо над ухом.

Я развернулась и ударила. Он блокировал. Я ударила снова — другой рукой, целясь в горло. Он перехватил моё запястье. Я попыталась ударить коленом — он шагнул в сторону, уводя моё бедро, и я снова потеряла равновесие. Он не выпустил моё запястье, и в итоге я повисла на нём, как мешок с костями.

— Ты полагаешься на скорость, — прокомментировал он. — Это ошибка. Скорость ничего не значит, если противник читает твои намерения.

— Я тебе не учебный манекен! — рявкнула я, пытаюсь вырваться.

— Ты — суккуб, который разучился сражаться. Твоё тело помнит движения, но твой разум им не доверяет. Ты думаешь о каждом ударе, вместо того чтобы позволить инстинктам работать.

Он отпустил меня, и я отшатнулась. Тяжело дыша, я смотрела на него снизу вверх. Он даже не запыхался. Ни капли пота на лбу. Только волосы чуть выбились из хвоста, и одна прядь упала на лицо.

Сволочь. Красивая сволочь.

— Ещё, — потребовала я.

Он чуть изогнул бровь.

— Уверена?

— Да.

— Тогда попробуй снова. И на этот раз — не предупреждай.

Я выдохнула. Закрыла глаза. Позволила телу вспомнить. Я не просто суккуб, который триста лет варил суп и оттирал кастрюли. Я — Бестия. Я была воином. Моё тело знает, что делать. Нужно просто перестать думать.

Я открыла глаза и бросилась на него без единой мысли в голове.

Мой кулак пролетел в миллиметре от его виска. Он отклонился — едва заметно, как ветка под ветром. Мой следующий удар — ногой, разворот, классический приём суккубов — он перепрыгнул, даже не напрягаясь. Я продолжала атаковать, и он продолжал уклоняться, и это было похоже на танец — дикий, быстрый, яростный танец, в котором я была ведущей, а он — идеальным ведомым, предугадывающим каждое моё движение за секунду до того, как я его совершала.

Я не могла его коснуться. Но я была близка. Ближе, чем в первый раз. Ближе, чем кто-либо за последние сто лет, я была уверена.

А потом я поняла, что улыбаюсь.

Я улыбалась во время боя. Я, Валака, уставшая демоница, бывшая собственность — я улыбалась, потому что впервые за триста лет чувствовала себя живой.

— Достаточно, — сказал Марбас, и я замерла.

Я тяжело дышала. С меня градом катился пот, волосы растрепались, грудь вздымалась. Но я стояла. Я не упала. Я не сдалась.

— На сегодня хватит, — сказал он. — Завтра продолжим.

— Уже? Я только разогрелась!

— Ты устала. Твоё тело не привыкло к таким нагрузкам. Если ты продолжишь, ты навредишь себе.

— Какая тебе разница? — вырвалось у меня.

Он посмотрел на меня. Долго. Внимательно. Его тёмные глаза, казалось, заглядывали мне прямо в душу, и от этого взгляда у меня пересыхало во рту.

— Разница в том, — сказал он тихо, — что я хочу, чтобы ты стала сильнее. Не чтобы ты сломалась. Если ты сломаешься — это моя неудача, не твоя.

Он развернулся и пошёл к выходу.

— Отдыхай. Горгона принесёт тебе укрепляющий отвар. Пей до дна.

И ушёл.

Я осталась стоять посреди зала. Мышцы ныли, лёгкие горели, на запястье, где он меня держал, остался лёгкий след — не синяк, просто покраснение. Я коснулась его пальцами.

Он держал меня. Крепко, но не больно. И я помнила тепло его ладони. И то, как он сказал «если ты сломаешься — это моя неудача».

Не «ты будешь наказана». Не «ты меня разочаруешь». А «это моя неудача».

Что ты за демон такой, Марбас?

Горгона принесла отвар. Он был горьким, как моя судьба, и горячим, как моя ярость. Я выпила до дна.

— Господин Марбас остался доволен тренировкой, — сказала Горгона, забирая пустую чашку. — Он сказал, что у вас большой потенциал.

— Прямо так и сказал?

— Да. Ещё он сказал, что давно не встречал противника, который заставил бы его уклоняться так часто.

Я фыркнула.

— Я даже не коснулась его.

— Вы были ближе, чем кто-либо за последние пятьдесят лет. Я сама видела. Он уклонялся всерьёз.

Я не нашлась, что ответить. Горгона поклонилась и ушла.

Я легла в кровать и уставилась в потолок. Мышцы гудели. В голове крутились обрывки тренировки — его движения, его голос, его слова. «Не заставляй меня хотеть. Заставь меня думать, что я хочу чего-то другого». «Ты думаешь о каждом ударе, вместо того чтобы позволить инстинктам работать». «Если ты сломаешься — это моя неудача».

Он учил меня. Не подавлял, не унижал, не использовал. Учил.

А ещё он был в этой рубашке с закатанными рукавами, и я видела, как двигаются мышцы на его предплечьях, когда он блокировал мои удары. И когда он держал меня за запястье, его пальцы были тёплыми и сухими, и я чувствовала его силу — не ту, что сокрушает, а ту, что защищает.

И этот шрам на скуле. Интересно, если бы я всё-таки коснулась его лица, он был бы гладким или шершавым? И какая у него кожа под этой рубашкой? И...

Так, Валака. Ты делаешь это снова.

Я перевернулась на бок и зажмурилась. Чёртова тренировка. Чёртов Марбас. Чёртова я.

Завтра я коснусь его. Обязательно. Чего бы мне это ни стоило.

Глава 4. В которой я узнаю, что Владыки тоже умирают

Марбас

Весть пришла на рассвете.

Я стоял на смотровой площадке Клыка — моём единственном месте уединения, куда не допускались даже слуги. Три луны Геенны висели над горизонтом: Багровая, Пепельная и Дальняя, та, что едва видна и кажется не луной, а трещиной в небе. Я приходил сюда каждое утро — ритуал, позволяющий собрать мысли перед тем, как потребуются решение.

В ладони дымилась чашка с горьким отваром — единственное, что я употреблял до полудня. Доктрина Голода требовала дисциплины: если дать ей волю, она начнёт ассимилировать всё подряд — еду, воздух, чужие эмоции. Я держал её в узде три тысячи лет, и это требовало постоянного контроля.

— Господин Марбас.

Голос Горгоны. Она никогда не входила на площадку без приглашения — стояла у входа, ожидая разрешения.

— Входи.

Старуха приблизилась, и я сразу заметил неладное. Её обычная невозмутимость дала трещину: пальцы, сжимавшие свиток, чуть подрагивали, а губы сжались в тонкую линию.

— Сообщение из Цитадели Агареса, — сказала она, протягивая свиток.

Я взял его. Сломал печать — стилизованный кулак, символ Владыки Гнева. Развернул.

Текст был коротким. Очень коротким. Такие сообщения всегда короткие — плохие новости не нуждаются в многословии.

«Агарес мёртв. Тело обнаружено сегодня ночью в его тронном зале. Причина смерти не установлена. Тело превращено в соль. Доктрина отсутствует. Ждём указаний.»

Я перечитал трижды. Четырежды. Пять раз.

Агарес. Владыка Гнева. Демон, чья Доктрина «Неутолимой Ярости» позволяла ему становиться сильнее, если он больше был ранен. Мы враждовали две тысячи лет — старая история, замешанная на территориальных спорах и личной неприязни. Он был груб, импульсивен, предсказуем. Но он был силён. Очень силён. Его Доктрина делала его практически неубиваемым в прямом бою — любая рана только усиливала его.

И теперь он мёртв. Превращён в статую из соли.

Четвёртый за полгода.

— Горгона, — мой голос звучал спокойно, но я знал, что она слышит подтекст. — Приноси досье по предыдущим смертям.

— Уже здесь, господин.

Она достала из складок балахона папку — старомодный жест, но я ценил такие вещи. Взял папку, раскрыл.

Владыка Лени Бельфегор. Умер четыре месяца назад. Найден в собственной постели. Тело превращено в статую из соли. Доктрина отсутствовала.

Владыка Зависти Левиафан. Умер три месяца назад. Левиафан, у которого я в свое время отвоевал минеральный источник. Мы были соперниками, но его смерть не принесла мне удовлетворения. Тело найдено в ванной — его собственный бассейн, наполненный водой, которую он так любил. Вода стала рассолом. Тело — соль. Доктрина отсутствовала.

Владыка Чревоугодия Вельзевул. Умер два месяца назад. Найден в собственной пиршественной зале, лицом в тарелке. Соль. Доктрина отсутствовала.

И теперь Агарес.

Четыре Владыки. Четыре Доктрины. Один и тот же почерк.

Я закрыл папку и уставился на горизонт. Багровая луна уже опустилась, Пепельная поднялась выше, Дальняя всё так же висела трещиной в реальности.

Соль. Превращение в соль. Это не метафора, не поэтическое описание — тела действительно становились каменной солью. Я видел донесения. Клеточная структура полностью изменена. Доктрины извлечены, ассимилированы или уничтожены.

Но я знал, что это значит. Потому что моя собственная Доктрина работала похожим образом. Я ассимилировал — поглощал силу, суть, предназначение вещей. Но я никогда не оставлял после себя соль.

Что-то новое. Что-то, чего Геенна ещё не видела.

— Господин, — Горгона кашлянула, — есть ещё кое-что.

— Говори.

— Агарес и Вельзевул за месяц до смерти общались с одним и тем же импом.

Я повернулся к ней.

— Имя?

— Барбатос. Бывший муж госпожи Валаки.

Тишина. Я переваривал информацию. Барбатос — жалкий, никчёмный имп, проигравший жену в кости — был информатором при двух Владыках перед их смертью? Это не могло быть совпадением.

— Он всё ещё в нашей темнице?

— Да. Без имени, без глаз. Но язык у него остался.

— Хорошо. Позже я с ним поговорю. Но сначала — другое.

Я свернул свиток и убрал его во внутренний карман.

— Где сейчас госпожа Валака?

— В своих покоях. Завтракает.

— Передай ей, что я жду её на тренировочной площадке через час. И пусть не наедается. Сегодня тренировка будет... интенсивнее.

Горгона поклонилась и ушла. Я снова повернулся к горизонту.

Валака. Её Доктрина Искажения Желания могла стать ключом. Если убийца оставлял после себя какой-то след — эмоциональный, ментальный, магический — она могла его прочитать. Она уже показала, что способна чувствовать желания, застывшие в ауре. Место гибели Агареса должно быть пропитано такими отпечатками.

Но для этого ей нужно больше контроля. Больше силы. Больше уверенности в своей Доктрине.

Именно поэтому сегодняшняя тренировка будет особенной.

Она пришла вовремя. Я уже стоял в центре зала — босиком, в простой одежде, как вчера. Но сегодня я подготовился иначе: по периметру площадки я разместил барьеры. Не для неё — для меня. Чтобы моя Доктрина не выплеснулась за пределы зала, если ситуация выйдет из-под контроля.

Валака выглядела иначе, чем вчера. Прямее спина. Твёрже шаг. Меньше страха в глазах, больше... предвкушения? Она всё ещё не доверяла мне — это было очевидно по тому, как она держала руки, слегка согнутые в локтях, готовые к защите. Но она больше не ждала подвоха каждую секунду. Прогресс.

— Ты готова? — спросил я.

— Готова к чему?

— Сегодня мы работаем над твоей истинной формой.

Она нахмурилась.

— Моей демонической формой? Я не принимала её триста лет. Я не уверена, что...

— Ты примешь её сегодня.

— Ты не можешь просто приказать мне превратиться! Это не работает так!

— Я и не приказываю. Я создаю условия.

Она открыла рот, чтобы возразить, но я уже шагнул к ней.

Валака была быстра. Я знал это — вчерашняя тренировка показала, что у неё отличные рефлексy, просто атрофированные за столетия бездействия. Но сегодня я не собирался уклоняться.

Я собирался давить.

Первая атака: я шагнул в её личное пространство, сократив дистанцию до минимума. Рука метнулась к её горлу — не чтобы ударить, а чтобы спровоцировать инстинктивную реакцию. Она отшатнулась, но я пошёл следом. Вторая атака — захват запястья. Она вывернулась, и я почувствовал, как её Доктрина активизируется, пытаясь исказить моё желание.

— Хорошо, — сказал я, блокируя её ответный удар. — Но недостаточно. Ты всё ещё думаешь как человек. Твоё тело помнит демоническую форму, но разум блокирует её.

— Потому что я не хочу превращаться в монстра! — рявкнула она, уходя от моего захвата.

— Монстра? — я перехватил её руку и заломил за спину, прижимая к себе. Она дёрнулась, но я держал крепко. — Твоя демоническая форма — это не монстр. Это ты. Настоящая. Всё остальное — маскировка.

— Тебе легко говорить! — она ударила локтем назад, целясь мне в рёбра. Я заблокировал, но её колено уже летело мне в живот. Пришлось отпустить её и отскочить. — Ты не прятался в человеческой форме триста лет! Ты не боялся, что если превратишься, то уже не сможешь вернуться!

— Боялся.

Она замерла.

— Что?

— Я сказал — боялся. Первые сто лет после обретения Доктрины я не мог контролировать свою форму. Превращение происходило спонтанно, в самые неподходящие моменты. Я разрушил три собственных дома. Убил нескольких слуг. Почти уничтожил целый город, просто потому что разозлился на торговца, который обсчитал меня на рынке.

Валака смотрела на меня. Её дыхание было тяжёлым, грудь вздымалась, но она слушала.

— Я научился контролю через боль, — продолжил я. — Через дисциплину. Через ежедневные тренировки, на которых я позволял своей Доктрине выходить наружу ровно настолько, чтобы не потерять контроль полностью. Это заняло двести лет. У тебя нет двухсот лет, Валака. У тебя есть два дня. Потому что через два дня мы идём на место гибели Агареса, и там мне понадобится твоя сила.

— Агарес? Владыка Гнева? — она моргнула. — Он мёртв?

— Как и ещё трое за последние полгода. Скорее всего - я следующий в списке — или один из следующих. Поэтому ты мне нужна. Твоя Доктрина может прочитать следы желаний на месте преступления. Но для этого ты должна быть в полной силе. В полной форме.

Она долго смотрела на меня. Потом медленно выдохнула.

— Хорошо. Что я должна делать?

— Перестать сдерживаться. Позволить себе разозлиться. По-настоящему. На Барбатоса. На всех, кто считал тебя вещью. Дай своей ярости форму.

Она закрыла глаза. Её дыхание замедлилось. Я чувствовал, как её Доктрина пульсирует — сначала слабо, потом всё сильнее. Воздух вокруг неё начал нагреваться.

А потом она открыла глаза — и они были чёрными.

Не просто тёмными — абсолютно чёрными, как бездна между звёзд. И в центре этой черноты горели алые зрачки. По её коже побежали золотые искры, и кожа начала меняться — становиться теплее, ярче, приобретать оттенок расплавленного металла. Из висков выросли рога — не маленькие, как у большинства суккубов, а массивные, изогнутые, образующие подобие короны. Пламя вспыхнуло за её спиной и сформировалось в крылья — живые, дышащие, сотканые из языков огня, которые двигались независимо друг от друга.

Она стала выше. Шире в плечах. Мышцы, скрытые под человеческой кожей, проступили рельефом — эстетично, как у античной статуи, отлитой из золота и огня. Её одежда трансформировалась вместе с ней, превращаясь в нечто среднее между доспехом и вечерним платьем — облегающий корсет из застывшей лавы, юбка из искр, наручи из обсидиана.

Она была...

Честно? Она была великолепна.

Я видел много демонических форм. Уродливых, пугающих, гротескных. Но форма Валаки была другой. В ней не было уродства — только сила, чистая и концентрированная. Она напоминала падшую звезду. Или богиню войны, которую заставили притворяться домохозяйкой.

И что-то во мне дрогнуло.

— Впечатляет, — сказал я. Мой голос прозвучал ровно. Хорошо. Контроль.

— Я ещё не закончила, — ответила она. Её голос тоже изменился — стал глубже, с металлическими обертонами.

И она бросилась на меня.

На этот раз это была не та Валака, что вчера. Не суккуб, пытающийся вспомнить забытые приёмы. Это была Бестия в полной силе — быстрая, яростная, смертоносная. Её кулак пролетел в сантиметре от моего виска. Я уклонился, но её второе крыло хлестнуло сбоку, и мне пришлось пригнуться. Третий удар — ногой, разворот, шквал искр — я заблокировал предплечьем, и меня отбросило на три метра.

— Хорошо, — сказал я, чувствуя, как горит рука. — Очень хорошо.

— Я ещё даже не начала, — прорычала она.

И продолжила атаку.

Это было... великолепно. Она двигалась как жидкий огонь — непредсказуемо, текуче, смертоносно. Её Доктрина работала в полную силу, и я чувствовал, как она пытается исказить мои желания — не в лоб, как вчера, а хитрее, тоньше. Она заставляла воздух вокруг меня «хотеть» быть твёрже, пол — «хотеть» быть скользким, мою одежду — «хотеть» быть тяжелее. Это были маленькие, почти незаметные воздействия, но они накапливались, замедляли, сбивали с толку.

Я уклонялся, блокировал, контратаковал — но впервые за долгое время я чувствовал, что мне приходится... стараться.

Её кулак наконец достиг цели. Она ударила меня в грудь — не сильно, я заблокировал большую часть удара, но достаточно, чтобы я почувствовал давление. Мои босые ноги проехали по каменному полу на полметра.

Она коснулась меня.

— Я сделала это, — выдохнула она. Её чёрные глаза горели алым. — Я тебя коснулась.

— Да, — признал я. — Но теперь моя очередь.

И я позволил своей Доктрине вздохнуть.

Человеческая форма — это клетка. Красивая, удобная, необходимая для повседневной жизни, но клетка. Когда я снимаю ограничения, это похоже на... расправление крыльев после долгого сна. Или на первый глоток воды после жажды. Или на первый удар сердца после смерти.

Моё тело трансформировалось.

Кожа стала темнее, плотнее, на предплечьях проступили костяные лезвия — естественное оружие, выросшее из моей Доктрины Голода. Позвоночник вытянулся, добавляя мне роста, плечи расширились, мышцы налились силой. Из спины вышли четыре рога — ребристые, острые, похожие на клинки, они изогнулись вперёд, обрамляя мои плечи как дополнительная

защита. Глаза загорелись алым, но без зрачков — просто два кровавых огня. А изо рта вырвалось дыхание, от которого воздух впереди меня задрожал, потому что моя Доктрина начала ассимилировать само пространство, делая его тоньше, податливее, быстрее.

Я выпрямился во весь рост — теперь я был на голову выше Валаки даже в её боевой форме. Мои четыре рога развернулись веером за спиной.

— Вот теперь мы на равных, — сказал я. Мой голос в этой форме звучал как скрежет камней.

Её глаза расширились. Она смотрела на меня — и я не мог прочитать её выражение. Страх? Удивление? Что-то ещё?

А потом она улыбнулась.

— Ты всё ещё стоишь на ногах, — сказала она. — Это ненадолго.

И битва продолжилась.

Теперь мы оба были в истинных формах, и зал содрогался от наших ударов. Барьеры, которые я поставил, гудели от напряжения. Пол трескался. Воздух искрил. Мы обменивались ударами на скорости, которую человеческий глаз не мог бы отследить, и каждый удар отдавался эхом от стен.

Я ассимилировал её атаки — её огонь, её искажения, её физические удары. Она искажала мои желания — заставляла меня хотеть промахнуться, замедлиться, споткнуться. Это был танец двух Доктрин, равных по силе, но разных по природе.

И посреди этого танца я поймал себя на мысли...

Она прекрасна.

Не в человеческом смысле — хотя в человеческой форме она тоже была привлекательна, тут спорить не с чем. Но в истинной форме она была... завораживающей. Золотая кожа, пылающая внутренним огнём. Изогнутые рога, похожие на корону падшей императрицы. Крылья из живого пламени, каждое перо которых двигалось как отдельный организм. И эти глаза — чёрные бездны с алыми звёздами вместо зрачков.

Когда она атаковала, её тело изгибалось, как у танцовщицы. Когда она уклонялась от моих ударов, её крылья вспыхивали ярче, оставляя в воздухе горящие следы. Когда она рычала от напряжения, её голос вибрировал на частоте, от которой у меня что-то сжималось внутри.

Возьми себя в руки, Марбас.. Ты учишь её. Ты не...

Она провела серию ударов, и последний — с разворота, крылом — задел моё плечо, оставив горящий след на коже. Я почувствовал боль — приятную, острую, отрезвляющую.

— Ты отвлёкся, — сказала она, тяжело дыша. — На секунду. Я видела.

— Анализируешь противника. Хороший навык.

— Я анализирую тебя с того момента, как вошла в этот зал. Ты двигаешься как тот, кто привык побеждать. Но ты не привык, чтобы противник был... красивым?

Она что, флиртвала? Во время боя? В истинной форме?

— Я не оцениваю противников по эстетическим критериям, — ответил я, блокируя её следующий удар.

— Врёшь. Я чувствую твои желания, забыл? Твоя Доктрина блокирует прямое воздействие, но она не блокирует... утечку. Твои желания сочатся сквозь барьеры, Марбас. И знаешь что?

Она шагнула ближе — опасно близко. Её огненные крылья почти касались моих костяных рогов. Её чёрные глаза смотрели мне прямо в лицо.

— Ты хочешь меня, — прошептала она. — Прямо сейчас. В этой форме. Хочешь так сильно, что твоя Доктрина даёт сбой.

Я открыл рот, чтобы возразить — и осознал, что она права.

Моя Доктрина Голода действительно давала сбой. Не сильно, не критично, но достаточно, чтобы я чувствовал... голод.. Более личный. Более опасный.

Я хотел её.

И это желание было настолько сильным, что я почти перестал дышать.

— Я права, да? — она склонила голову набок. — Это... мило.

Она отступила, и я почувствовал одновременно облегчение и... разочарование? Демоны, что со мной происходит?

— На сегодня достаточно, — сказал я, возвращая контроль над Доктриной. — Ты приняла форму, ты коснулась меня, ты заставила меня обратиться. Тренировка выполнена.

— Я заставила тебя обратиться? — она изогнула бровь. — Или ты сам захотел?

— Я сделал это в ответ на твою эскалацию. Ничего личного.

— О, это было очень личное. Я чувствовала.

Я начал возвращаться в человеческую форму — медленно, плавно, чтобы не повредить барьеры. Рога втянулись в спину, кожа посветлела, костяные лезвия исчезли. Через минуту я снова стоял перед ней — в простой рубашке, босиком, как обычный мужчина. Но внутри всё бурлило.

Валака тоже возвращалась. Её крылья погасли, рога втянулись, кожа потеряла золотой оттенок. Пламя, окутывавшее её тело, растворилось в воздухе, оставив после себя запах грозы.

Когда она снова стала человеком, она выглядела... уставшей. Но довольной. Очень довольной.

— Это было... — она замолчала, подбирая слово.

— Продуктивно, — подсказал я.

— Освобождающе. Я забыла, каково это — быть в истинной форме. Я забыла, каково это — быть сильной.

Она потянулась, разминая плечи, и я заметил, что её одежда трансформировалась обратно в тренировочный костюм, но он сидел иначе — плотнее, выгоднее. Или, может, это я смотрел иначе.

Прекрати, Марбас.

— Завтра, — сказал я, — мы отправимся в Цитадель Агареса. Ты будешь готова?

— Буду. Но сначала — ванна. Я вся липкая.

Она развернулась и пошла к выходу. Её походка изменилась — стала плавнее, увереннее. В ней появилось что-то от той хищницы, которой она была в истинной форме. Что-то, чего не было вчера.

Я смотрел ей вслед. Смотрел на её спину, на её бёдра, на её волосы, которые растрепались во время боя и теперь падали на плечи золотой волной.

— Горгона, — позвал я, не оборачиваясь.

— Да, господин? — старуха материализовалась из тени у входа. Она всегда была рядом, когда нужна.

— Принеси мне холодной воды. Много холодной воды.

— Что-то случилось?

— Ничего. Просто тренировка была жаркой.

Я чувствовал её взгляд — оценивающий, понимающий. Горгона служила мне тысячу двести лет, и она знала меня лучше, чем кто-либо. Если она что-то и заподозрила, то не подала виду.

— Сию минуту, господин.

Она ушла. Я остался в пустом зале, всё ещё чувствуя фантомное жжение на плече, где меня задело её крыло. И фантомное жжение в другом месте, о котором я предпочёл бы не думать.

Физическая реакция. Обычная физическая реакция на интенсивную физическую нагрузку и выброс магии. Ничего личного. Тело реагирует на стресс определённым образом — это биология, физиология, механика. Не имеет значения, что противник был красив. Не имеет значения, что её огонь пах грозой. Не имеет значения, что её голос в истинной форме звучал так, будто сама Геенна пела через неё.

Не имеет значения.

Я опустил взгляд.

Ладно. Возможно, имеет. Немного. Но это не то, что я собираюсь анализировать прямо сейчас.

Сейчас у меня есть более важные дела. Четыре мёртвых Владыки. Таинственный убийца, оставляющий после себя соль. И Валака, которая может стать ключом к разгадке.

Но когда я шёл к себе, чтобы переодеться и выпить ту самую холодную воду, я не мог избавиться от одной мысли.

Она сказала: «Ты хочешь меня». И она была права. Я хотел.

И, судя по тому, как она улыбалась, уходя, — она тоже это чувствовала. И, возможно, тоже не была уверена, что с этим делать.

Завтра мы пойдём на место преступления. Это будет деловая поездка, полная анализа улик, магических замеров и допросов. Никаких личных чувств. Никаких отвлечений.

Никаких.

Чёрт.

Глава 5. В которой меня тащат на место преступления вместо свидания

Валака

— Ты издеваешься.

— Нет.

— Издеваешься. Это шутка такая? Розыгрыш? Меня сейчас снимут скрытые камеры, и окажется, что это всё — реалити-шоу «Подстава для суккуба»?

Марбас стоял в дверях моих покоев с непроницаемым лицом. На нём был тот же чёрный костюм-доспех, что и в день нашей первой встречи. Волосы собраны в идеальный хвост. Ни морщинки. Ни улыбки. Ни намёка на то, что он шутит.

— Мы идём в Цитадель Агареса, — повторил он. — Ты нужна мне для осмотра места преступления.

— Места преступления! — я всплеснула руками. — Вчера ты сказал: «я покажу тебе новую жизнь».

— Я обещал тебе жизнь, где твоя сила используется по назначению. Осмотр места преступления — это использование по назначению.

— Вообще-то, когда суккубу говорят про «использование по назначению», имеют в виду совсем другое!

Он чуть склонил голову набок.

— И что же именно?

Я открыла рот. Закрыла. Почувствовала, как краска приливает к щекам.

— Неважно.

— Нет, продолжай. Мне интересно.

— Ничего. Забудь. Место преступления так место преступления.

Я схватила плащ — длинный, тёмно-красный, из какой-то невероятно мягкой ткани, который нашёлся в шкафу вместе с другими вещами. Горгона вчера принесла целый гардероб, и, надо признать, вкус у неё был отменный. Или у Марбаса? Интересно, он сам выбирал? Или просто приказал «достать лучшее»?

Так, Валака, прекрати. Ты злишься. Ты очень злишься, потому что вместо обещанной красивой жизни тебя тащат на место убийства. Это не свидание. Это не романтическое приключение. Это работа.

Но когда я затягивала пояс плаща, я поймала взгляд Марбаса. На секунду. Всего на одну секунду его глаза скользнули по моей талии, по бёдрам, по вырезу платья, которое я надела под плащ.

И в эту секунду я кое-что вспомнила.

Вчерашняя тренировка. Бой в истинных формах. И то, что я почувствовала перед тем, как мы разошлись.

Его желание.

Оно было... густым. Горячим. Как расплавленный металл. Я не смогла его исказить — он слишком силён для этого, — но я смогла его прочитать. И то, что я прочитала, заставило меня полночи ворочаться без сна.

Марбас хотел меня. В истинной форме. Хотел так сильно, что его Доктрина дала трещину. И это было не просто физическое желание — такое я чувствовала тысячу раз от разных демонов. Нет. Это было что-то глубже.

И это пугало. И будоражило. И заставляло меня думать о том, о чём я не должна была думать.

— Ты готова? — спросил он.

— Готова.

— Тогда идём.

Дорога до Цитадели Агареса заняла около двух часов. На этот раз мы не ехали в закрытой повозке — Марбас открыл портал. Это было... впечатляюще. Он просто разорвал пространство перед собой, как будто отёрнул занавеску, и пригласил меня шагнуть в чёрный провал. Я шагнула — и через мгновение оказалась на другом конце Геенны.

Цитадель Агареса была совсем не похожа на Клык. Если крепость Марбаса была строгой, минималистичной и холодной, то здесь всё кричало о мощи и агрессии. Стены из кроваво-красного камня, усеянные шипами, статуи рычащих демонов у входа, барельефы с изображениями битв. Флаг с символом сжатого кулака всё ещё развевался на вершине башни — его ещё не успели спустить.

— Владыка Агарес любил помпезность, — прокомментировал Марбас, когда мы проходили через главные ворота. — Он считал, что сила должна быть видна сразу.

— А ты считаешь иначе?

— Я считаю, что сила должна быть ощутима.

Нас встретили у входа. Трое демонов в траурных серых одеждах — очевидно, высшие слуги Агареса. Они поклонились Марбасу с таким усердием, что я испугалась за их позвоночники.

— Господин Марбас, — произнёс один из них, седой демон с усталым лицом. — Благодарим, что прибыли так скоро. Мы в растерянности. Смерть Владыки Агареса...

— Покажете мне тело и место, где его нашли, — перебил Марбас. — Моя спутница пойдёт со мной.

Седой покосился на меня. Я заметила, как его взгляд скользнул по моей фигуре, и мгновенно выпрямилась. Да, я суккуб. Да, я выгляжу определённым образом. Но если ты думаешь, что я здесь в качестве украшения...

— Это советница по вопросам инфильтрации, — добавил Марбас. — Её Доктрина — ключ к расследованию.

Седой тут же изменился в лице. Поклон стал глубже.

— Прошу прощения, госпожа. Прошу следовать за мной.

Мы пошли через анфиладу мрачных коридоров. Стены здесь были увешаны оружием — топоры, мечи, булавы, все со следами использования. Агарес явно коллекционировал не только победы, но и трофеи. Я заметила доспех какого-то поверженного Владыки в стеклянной витрине. Жутковато.

— Ты знал его лично? — спросила я Марбаса, когда мы немного отстали от провожатого.

— Знал. Две тысячи лет вражды.

— Вражды?

— Старая история. Территориальный спор. Он напал на мои земли, я разбил его армию. Он пытался отомстить — я снова разбил. Так несколько раз, пока он не понял, что проще оставить меня в покое.

— И ты не добил его?

— Зачем? Он был предсказуемым врагом. Предсказуемый враг лучше, чем непредсказуемый друг.

Я хмыкнула.

— Очень прагматично.

Мы вошли в тронный зал, и разговор оборвался.

Зал был огромным. Высокий сводчатый потолок, колонны из чёрного мрамора, трон из цельного куска обсидиана. И посреди зала — фигура. Человеческая фигура, сидящая на троне.

Статуя из соли.

Я подошла ближе. Это действительно был Агарес — крупный, широкоплечий демон, даже в посмертии сохранивший осанку воина. Но его кожа, его плоть, его кости — всё превратилось в кристаллическую соль. Лицо застыло в выражении удивления. Глаза — соляные шары — смотрели в потолок. Рот приоткрыт, как будто он хотел что-то сказать.

— Он не сопротивлялся, — тихо сказала я.

— Что?

— Посмотри на его позу. Он сидит расслабленно. Руки на подлокотниках. Если бы он сопротивлялся, он бы вскочил, принял боевую стойку, попытался атаковать. Но он просто... сидел. Как будто не ожидал нападения.

Марбас посмотрел на меня. В его глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Хорошее наблюдение. Продолжай.

— Это значит, что он доверял убийце. Или убийца выглядел как кто-то, кому он доверял. Или... — я нахмурилась, — убийца заставил его не хотеть сопротивляться.

— Именно. Поэтому ты здесь.

Марбас обошёл статую, внимательно разглядывая её. Я смотрела на него — и впервые видела его в деле. Он не просто смотрел. Он изучал. Его взгляд скользил по поверхности статуи, задерживаясь на каждой трещине, каждом выступе, каждом изменении текстуры. Он присел, рассматривая основание трона. Провёл пальцем по полу рядом с ножкой.

— Здесь что-то было, — сказал он. — Какой-то предмет. Следы магического воздействия. Видишь кольцевой узор?

Я присела рядом. Действительно — на полу был едва заметный круг, выжженный в камне. Как будто здесь стояло что-то, что излучало магию.

— Оружие? — предположила я.

— Или алтарь. Или портал. Или что-то ещё. Но его убрали до того, как нашли тело.

Он выпрямился и повернулся к слугам, которые стояли у дверей.

— Кто обнаружил тело?

— Я, господин, — выступил вперёд молодой демон, явно нервничая.

— Во сколько?

— Ночью. Около трёх часов по багровой луне. Я пришёл проверить, не нужно ли господину что-нибудь перед сном.

— Он обычно не спал в это время?

— Нет. Он часто работал допоздна. Готовил какую-то военную кампанию, о которой никому не рассказывал.

Марбас кивнул.

— Ты что-нибудь слышал перед тем, как войти? Звуки борьбы? Голоса?

— Нет. Всё было тихо. Поэтому я и вошёл без стука — подумал, что господин уснул на троне.

— Ты что-нибудь трогал в зале?

— Только... только коснулся руки господина. Чтобы проверить пульс. Но рука рассыпалась.

Парень побледнел при воспоминании.

— Хорошо. Вы все можете идти, — сказал Марбас. — Мы с советницей осмотрим зал.

Слуги поклонились и вышли. Мы остались вдвоём.

— Теперь твоя очередь, — сказал Марбас, поворачиваясь ко мне. — примени Доктрину. Прочитай ауру. Что ты чувствуешь?

Я закрыла глаза и активировала Доктрину.

Это было... странно. Место смерти Владыки — это не обычное место. Здесь сошлись такие силы, что воздух до сих пор был густым и тяжёлым, как патока. Моя Доктрина Искращения Желания работала через чувствование — я ощущала желания, которые застыли в пространстве, как мухи в янтаре.

Сначала я почувствовала Агареса. Его последнее желание было... спокойным. «Хочу закончить дела». Он действительно не чувствовал угрозы. Он сидел на троне, думая о какой-то кампании, о планах, о будущем. Его смерть была полной неожиданностью.

А потом я почувствовала другое.

Чужое желание. Не Агареса. Убийцы.

Оно было... холодным. Не как лёд. Как вакуум. Как пустота между звёзд. Оно не хотело убивать — убийство было просто средством. Истинное желание было глубже.

«Хочу, чтобы всё замерло».

Я вздрогнула. Открыла глаза.

— Что? — спросил Марбас.

— Он... не хотел смерти. Не смерти как таковой. Он хотел...

— Покоя? Остановки?

Я посмотрела на него.

— Да. Как ты узнал?

— Это логично. Соль — это консервация. Превращение в соль — это способ сохранить что-то навсегда, остановить процессы распада. Если убрать метафору — убийца не хочет разрушать. Он хочет заморозить.

— Заморозить всю Геенну?

— Возможно. Или только Владык.

Я снова закрыла глаза и сосредоточилась. Желание убийцы было... странно знакомым. Как будто я где-то уже чувствовала подобное. Но где? Не в бою. Не на рынке. Не в кабаке.

— Я чувствую ещё кое-что, — сказала я. — Это желание... оно не завершено. Убийца ушёл, но он оставил что-то. Как нить, которая тянется куда-то...

— Куда?

Я попыталась проследить нить, но она обрывалась.

— Не могу сказать. Слишком далеко. Мне нужно быть ближе.

— Ближе к чему?

— Не знаю. К следующему месту. Или к самому убийце. Или...

Я открыла глаза. Марбас смотрел на меня с напряжённым вниманием.

— Ты хорошо поработала, — сказал он. — Лучше, чем я ожидал.

— Ты ожидал, что я не справлюсь?

— Я ожидал, что тебе понадобится больше времени, чтобы настроиться. Но ты вошла в резонанс сразу. Это говорит о том, что твоя Доктрина восстанавливается быстрее, чем я предполагал.

Я почувствовала укол гордости. Да, я справилась. Да, я была полезна. И да, мне это понравилось. Не расследование само по себе, а то, как он смотрел на меня, когда я говорила. Как на равную.

Но насладиться моментом не удалось.

Потому что в ту же секунду из тени у дальней колонны выступили фигуры.

Глава 6. Подавленное желание

Их было пятеро. Высокие, закутанные в серые плащи, с масками из полированного обсидиана на лицах. Без единого звука они начали окружать нас.

— Засада, — констатировал Марбас. — Я ждал этого.

— Ждал?!

— Конечно. Четыре убийства, и ни одного свидетеля. Убийца всегда возвращается, чтобы проверить, не оставил ли следов. Или чтобы убрать тех, кто может эти следы найти. — Он чуть размял плечи. — Встань за мою спину.

— Чего?!

— Я сказал — за спину.

— Я не прячусь за чужие спины! Я Бестия! Я...

— Валака.

Он произнёс моё имя так, что я замолчала. Не грубо. Не приказом. Просто так, что я поняла: он не считает меня слабой. Он считает ситуацию опасной.

— Я справлюсь с ними сам, — сказал он. — Но мне нужно, чтобы ты была в безопасности, потому что ты — единственная, кто может выследить убийцу. Ты нужна мне не как боец. Пожалуйста.

«Пожалуйста». Он сказал «пожалуйста».

Я моргнула. Кивнула. И отступила за него.

А потом началось.

Марбас не стал ждать, пока нападающие приблизятся. Он шагнул вперёд — и трансформировался.

Это было не постепенное изменение, как вчера. Это был взрыв. Его человеческая форма буквально разорвалась изнутри, выплёскивая ту самую демоническую суть, которую он так тщательно контролировал.

Кожа потемнела до цвета антрацита. На руках — от запястий до локтей — проступили костяные лезвия, острые, как серпы, светящиеся изнутри алым. Плечи расширились, разрывая рукава, грудь стала массивнее, шея — толще. Глаза загорелись алым пламенем без зрачков — два окна в пылающую бездну. А из спины, ломая ткань плаща, вышли четыре рога — длинные, ребристые, похожие на клинки, которые изогнулись вперёд и в стороны, создавая смертоносный ореол вокруг его фигуры.

Он стал выше почти на полметра. И от него исходила такая волна силы, что даже я, стоя в пяти шагах позади, почувствовала, как подкашиваются ноги.

Нападавшие замедлились. Один из них — самый смелый или самый глупый — попытался атаковать первым. Он метнул какое-то заклинание — сгусток тьмы, похожий на копьё. Марбас не уклонялся. Он просто посмотрел на заклинание — и оно исчезло. Ассимилировалось. Растворилось в воздухе, как будто его никогда не было.

Я видела его в бою вчера, на тренировке. Но то была тренировка. Он сдерживался. Сейчас он не сдерживался ни на грамм.

Первый нападавший умер мгновенно. Марбас просто схватил его за горло — и тот начал рассыпаться. Не в соль — в пепел. Доктрина Голода ассимилировала его суть за секунду.

Второй попытался атаковать с фланга. Марбас не оборачиваясь хлестнул одним из своих рогов, и нападавшего разрезало пополам. Третий и четвёртый напали одновременно, с двух сторон. Марбас развёл руки — и костяные лезвия на предплечьях удлиннились, превратившись в настоящие клинки. Два движения — два трупа.

Пятый попытался бежать. Марбас посмотрел ему вслед — и пространство перед беглецом сжалось, отрезая путь. Доктрина Голода ассимилировала сам воздух, делая его непроходимым.

— Кто вас послал? — спросил Марбас, приближаясь.

Пятый дрожал. Его маска свалилась, открывая молодое, искажённое ужасом лицо.

— Я не... я не могу...

— Можешь. И скажешь.

Марбас положил руку ему на плечо. Лезвия втянулись, но я знала — в любой момент они могут выйти снова. Парень заскулил.

— Это демоны из Тихого Сна... Мы только исполнители... Мы не знаем...

— Кто лидер?

— Я не знаю! Клянусь! Мы получаем приказы через сны! Только через сны!

Марбас смотрел на него несколько секунд. Потом убрал руку.

— Уходи.

— Ч-что?

— Уходи. Расскажи своим, что нападать на меня — плохая идея.

Парень не заставил просить дважды. Он развернулся и побежал, спотыкаясь о камни. Марбас повернулся ко мне.

— Ты в порядке?

Я кивнула, не в силах произнести ни слова.

Потому что в этот момент я поняла кое-что. Кое-что важное и пугающее.

Я смотрела на него — огромного, страшного, покрытого пеплом убитых врагов, с алыми глазами и рогами, похожими на оружие палача — и чувствовала не страх.

Совсем не страх.

Я чувствовала... возбуждение.

Да, вот так. Демоны меня раздери. Мой пульс участился не от ужаса. Мои щёки горели не от близости смерти. Мои колени дрожали не от слабости.

Я хотела его. Здесь и сейчас. В этой форме. Такого — смертоносного, могучего, тёмного.

И, что ещё хуже, он это знал. Потому что моя Доктрина, активированная для чтения ауры, всё ещё работала — и он мог чувствовать мои желания так же, как я чувствовала его.

— Валака, — произнёс он. Его голос всё ещё был низким, демоническим, и от этого по моему позвоночнику пробежала дрожь.

— Что?

— Твоя аура...

— А что с ней?

— Она... фонит.

Я сглотнула.

— Это просто адреналин. Реакция на бой.

— Это не адреналин.

Чёрт. Чёрт, чёрт, чёрт.

— Ну, хорошо, — я скрестила руки на груди. — Ты только что в одиночку уничтожил пятерых врагов за десять секунд. Извини, если это произвело на меня впечатление. Я суккуб, в конце концов. Мы реагируем на силу.

— Ты реагируешь не на силу. Ты реагируешь на меня.

Я открыла рот, чтобы возразить — и не смогла. Потому что он был прав.

— Знаешь что, — сказала я вместо этого, — я тоже могу трансформироваться. И тогда посмотрим, кто на кого реагирует.

И я позволила своей Доктрине вздохнуть.

Моё тело отозвалось мгновенно. Вчерашняя трансформация была трудной, почти болезненной — первая за триста лет. Сегодня она была... лёгкой. Естественной. Как будто моё тело ждало этого момента и радовалось ему.

Кожа зазолотилась, наливаясь внутренним огнём. Рога вышли из висков, изгибаясь коронной. Крылья вспыхнули за спиной — живые, пылающие, сотканые из языков пламени. Я стала выше, сильнее, и моя одежда трансформировалась вместе со мной, превращаясь в боевой наряд — облегающий корсет из застывшей лавы и юбку из искр.

Я чувствовала себя... невероятно. Сильной. Живой. Настоящей.

И, да, привлекательной. Очень привлекательной. Краем глаза я посмотрела на своё отражение в отполированном обсидиане колонны. Золотая кожа сияла. Рога сидели идеально, обрамляя лицо. Крылья переливались оттенками красного и оранжевого. А фигура... ну, фигура у меня всегда была хорошая, но в истинной форме она стала просто оружейной.

Я вспомнила, кто я. Я — суккуб. Не просто Бестия. Не просто жена неудачника. Я — Валака, чья Доктрина Искажения Желания способна заставить легион пасть на колени. И я больше не собираюсь это скрывать.

— Ты закончила красоваться? — спросил Марбас.

— Даже не начинала.

Я шагнула к нему — плавно, бедро за бедро, как ходят суккубы, когда хотят, чтобы противник думал не о бое, а совсем о другом. Мои крылья качнулись, разбрасывая искры.

— Кстати, — сказала я, — ты забыл обыскать тела. Вдруг у них есть что-то важное?

Марбас моргнул.

— Я собирался это сделать.

— Конечно. Просто ты отвлёкся.

Я наклонилась над ближайшим трупом — и сделала это так, чтобы моя грудь оказалась ровно на уровне его взгляда. Случайно, разумеется. Чисто случайно. Я просто проверяю карманы мертвеца. То, что моя поза при этом выглядит как приглашение к чему-то совершенно неприличному, — это совпадение.

— Ничего, — сказала я, выпрямляясь. — У этого пусто. Давай проверим другого.

Я подошла ко второму телу и снова наклонилась — на этот раз со спины к Марбасу. Попа в боевой форме выглядела... ну, скажем так, юбка из искр её очень выгодно обтягивала. Я чуть отставила бедро, делая вид, что пытаюсь перевернуть тяжёлое тело.

— Какой тяжёлый, — пожаловалась я. — Не сможешь?

Марбас не двигался. Я чувствовала его взгляд — горящий, пристальный, прожигающий мне спину. Моя Доктрина улавливала его желания, и они были... громкими. Очень громкими.

— Валака, — произнёс он. Его голос стал ещё ниже, с хрипотцой.

— Да? — я обернулась через плечо, хлопая ресницами. В истинной форме ресницы у меня были длинными и золотыми. Эффект — убийственный.

— Ты делаешь это специально.

— Что именно?

— Провоцируешь меня.

Я выпрямилась и повернулась к нему лицом. Подошла ближе. Ещё ближе. Так близко, что мои огненные крылья почти касались его костяных рогов.

— Я — суккуб, Марбас, — сказала я тихо, почти мурлыча. — Провокация — это моя работа. Я триста лет подавляла свою природу ради мужа, который этого не ценил. А теперь... теперь я свободна. И я вспомнила, кто я. Так что да, я провоцирую тебя. И буду провоцировать. Потому что...

Я сделала паузу. Он ждал.

— ...потому что ты хочешь этого, — закончила я. — Я чувствую твои желания, забыл? Каждый раз, когда ты смотришь на меня, твоя Доктрина вибрирует. Ты хочешь меня, Марбас.

Он молчал. Его алые глаза горели. Четыре рога чуть подрагивали — признак сдерживаемых эмоций. Я положила ладонь ему на грудь. Она была горячей, как печь, и твёрдой, как камень.

— И знаешь что? — прошептала я, глядя ему прямо в глаза. — Я тоже этого хочу. Но я не сдамся просто так. Если хочешь меня — заслужи.

Я развернулась и пошла прочь, покачивая бёдрами. Мои крылья рассыпали за спиной каскад искр.

— А теперь давай закончим осмотр места преступления, — бросила я через плечо. — У нас расследование, забыл?

Секунда тишины. Две. Три.

А потом низкий, рокочущий смех.

И в этот момент я чувствовала себя живой. По-настоящему живой. Впервые за триста лет.

И убийца, и Культ Тихого Сна, и расследование — всё это было важно. Но сейчас, в эту секунду, самым важным было другое.

Я нравлюсь ему. Он нравится мне. И эта игра только начинается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.